

В. П. Бузескул

**Профессор М. М. Лунин, "Харьковский
Грановский"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. П. Бузескул**
Профессор М. М. Лунин, "Харьковский Грановский" / В. П. Бузескул – М.: Книга по Требованию, 2021. – 58 с.

ISBN 978-5-518-06093-7

Из журнала Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие. Часть CCCLVII. 1905. Февраль.

ISBN 978-5-518-06093-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРОФЕССОРЪ М. М. ЛУНИНЪ,

„Харьковскій Грановскій“ ¹⁾.

къ столѣтію Харьковскаго университета.

17-го января 1905 г. исполнилось сто лѣтъ Харьковскому университету, и настало время подвести итогъ его вѣковой научной и просвѣтительной работѣ, его культурному вліянію; вспомнить прежнихъ его дѣятелей, въ особенности, конечно, тѣхъ изъ нихъ, которые, теперь нерѣдко уже забытые, въ свое время составляли славу и гордость университета, — которые болѣе или менѣе воплощали въ себѣ идеаль профессора и ученаго, пробуждали въ слушателяхъ возвышенныя, идеальныя стремленія, любовь къ наукѣ и вызывали къ себѣ со стороны этихъ слушателей горячую благодарность и уваженіе, доходившее до благоговѣнія. Такими дѣятелями живетъ и процвѣтаетъ университетъ, и къ числу такихъ принадлежалъ профессоръ всеобщей исторіи въ Харьковѣ второй половины 30-хъ и начала 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, Михайлъ Михайловичъ Лунинъ.

Въ настоящее время имя Лунина почти никому неизвѣстно; оно ничего не говоритъ уму и сердцу людей нашего поколѣнія. А между тѣмъ, судя по отзывамъ современниковъ и слушателей Лунина, онъ для Харьковскаго университета былъ тѣмъ, чѣмъ для Московскаго — Грановскій и Кудрявцевъ. По словамъ, на примѣръ, Н. И. Костомарова, его ученика, это „былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи, какіе когда-либо являлись въ нашихъ университетахъ“ ... „Лекціи этого профессора“, говоритъ Костомаровъ,

¹⁾ Въ основѣ этого очерка лежитъ рефератъ, читанный въ засѣданіи Харьковскаго Историко-Филологическаго общества 22-го октября 1904 г.

„оказали на меня громадное вліяніе и произвели въ моей духовной жизни рѣшительный поворотъ: я полюбилъ исторію болѣе всего и съ тѣхъ поръ съ жаромъ предался чтенію и изученію историческихъ книгъ“ ¹⁾). Другой слушатель Лунина, М. П. Де-Пуле, называетъ его и Валицкаго (профессора греческой словесности) „звѣздами первой величины на небосклонѣ Харьковскаго университета того времени“ и, подобно Костомарову, замѣчаетъ, что профессоръ Лунинъ былъ бы изъ первыхъ въ любомъ русскомъ университетѣ, что „въ исторіи Харьковскаго университета имя его должно занять передовыя страницы“ ²⁾). Покойный проф. А. И. Палюбецкій, котораго многіе изъ насъ помнятъ, какъ человѣка въ высшей степени правдиваго и строгаго въ своихъ отзывахъ, и который лично зналъ Лунина, отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ „необыкновенномъ“ ³⁾).

Къ сожалѣнію, мы располагаемъ лишь скудными біографическими данными относительно этой замѣчательной личности ⁴⁾).

М. М. Лунинъ — уроженецъ Прибалтійскаго края. Онъ родился въ 1806 или 1807 г. ⁵⁾, въ купеческой, повидимому, состоятельной семьѣ: его отцу принадлежали въ Дерптѣ каменный и деревянный домъ, фабрика и лавка ⁶⁾. Такимъ образомъ родители имѣли возможность дать своему сыну высшее образованіе. Въ 1828 г. Лунинъ окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ со степенью кандидата

¹⁾ См. автобіографію Н. И. Костомарова въ „Литературномъ Наслѣдіи“. Спб. 1890 г., стр. 22.

²⁾ М. П. Де-Пуле, Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій. — Культурный очеркъ и воспоминанія пѣз 40-хъ годовъ (Вѣстн. Европы, 1874, январь), стр. 88, 90, 93.

³⁾ См. бумаги Г. С. Чирикова, хранящіяся въ „Историческомъ Архивѣ“ при Харьковскомъ Историко-Филологическомъ обществѣ.

⁴⁾ О М. М. Лунинѣ, кромѣ немногихъ офіціальныхъ данныхъ, имѣющихся въ архивѣ Харьковскаго университета, см. автобіографію Н. И. Костомарова; упомянутую ст. Де-Пуле; бумаги Г. С. Чирикова; некрологъ, напечатанный проф. А. П. Рославскимъ-Петровскимъ въ прибавленіи къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ за 1844 г. № 46; ст. М. И. Сухомлинова, Уничтоженіе диссертациі Н. И. Костомарова (Древн. и Нов. Россія. 1877 г., т. I); замѣтку въ Энциклоп. словарь Брокгауза-Ефрона, и непечатанныя воспоминанія Паникова: „Идеализмъ и идеалисты сороковыхъ годовъ“. За предоставленіе мнѣ этой рукописи припошу искреннюю благодарность глубокоуважаемому товарищу, проф. Д. И. Багалъю.

⁵⁾ Въ формулярѣ 1842 г ему значится 35 лѣтъ, а въ формулярѣ 1844 года — 38 лѣтъ.

⁶⁾ См. аттестатъ Лунина, выданный ему изъ департамента разныхъ податей и сборовъ, 1829 г.

и въ 1829 г. поступилъ на службу въ департаментъ разныхъ пода-тей и сборовъ канцелярскимъ чиновникомъ; но здѣсь онъ не про-былъ и мѣсяца и въ томъ же 1829 г. уволенъ, согласно прошенію, „для опредѣленія къ другимъ дѣламъ“, какъ значитса въ выданномъ ему изъ департамента аттестатѣ. Очевидно, его влекла къ себѣ наука...

По выдержаніи особо установленнаго экзамена при Академіи Наукъ въ іюлѣ 1830 г., Лунинъ, по Высочайшему повелѣнію, по-ступаетъ въ Профессорскій институтъ, учрежденный незадолго до того при Дерптскомъ университетѣ по мысли извѣстнаго Паррота для приготовленія контингента профессоровъ въ русскіе универси-теты ¹⁾, — институтъ, въ которомъ какъ разъ въ то время находи-лась цѣлая плеяда даровитыхъ молодыхъ людей, впоследствии вы-дающихся дѣятелей на поприщѣ науки и профессуры, напримѣръ Н. И. Пироговъ, П. Г. Рѣдкинъ и другіе. Въ числѣ ихъ былъ и М. С. Куторга, этотъ первый выдающійся и совершенно самостоя-тельный русскій изслѣдователь въ области изученія греческой исторіи, „первоначальникъ у насъ науки объ эллиствѣ“ ²⁾, который такимъ образомъ оказывается товарищемъ Лунина по Профессорскому инсти-туту. Одновременно съ Куторгой ³⁾, въ 1832 г. напечаталъ Лунинъ и свою диссертацию: „Prolegomena ad res Aethaeorum“ (Dorp.), послѣ защиты коей онъ былъ утвержденъ въ степени доктора философіи (25-го января 1833 г.) и затѣмъ — опять въ одно время съ Кутор-гой — отправленъ въ Берлинъ „для окончательнаго усовершенствованія въ наукахъ“.

Извѣстно, что Берлинскій университетъ, основанный въ цѣляхъ поднятія и возрожденія разгромленной Наполеономъ Пруссіи, „дабы“, выражаясь словами Фридриха Вильгельма III, „духовными силами возмѣститъ потерю въ силахъ физическихъ“, матеріальныхъ, на пер-выхъ же порахъ достигъ высокаго процвѣтанія и имѣлъ въ составѣ профессоровъ немало свѣтилъ. Въ то время, когда Луининъ нахо-дился въ Берлинѣ, еще живъ былъ историкъ-юристъ Савиньи, пред-ставитель исторической школы въ изученіи права; Ранке незадолго передъ тѣмъ возвратился изъ путешествія въ Италію и началъ из-

¹⁾ *Е. В. Пятуховъ*, Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій университеты. Юрьевъ. 1902 г., I, 482 сл.

²⁾ См. предисловіе къ „Собр. сочин. М. С. Куторги“. Спб. 1891, т. I.

³⁾ Диссертация М. С. Куторги — извѣстное изслѣдованіе „De antiquissimis tribu-bus Atticis earumque cum regni partibus nexu“. Dorp. 1832.

давать свой знаменитый трудъ о римскихъ панахъ; К. Риттеръ развивалъ свои идеи о взаимодѣйствіи между природой и человѣкомъ; но „властителемъ думъ“ тогдашняго поколѣнія былъ Гегель. Правда, въ то время его уже не было въ живыхъ (Гегель умеръ въ 1831 г.), а его лекціи по философіи исторіи еще не выходили въ свѣтъ; но идеи Гегеля господствовали: его послѣдователи и ученики развивали ихъ съ кафедръ, и идеи эти, какъ увидимъ, оказали огромное вліяніе на Лунина.

Въ 1835 г. истекалъ срокъ ученой командировки Лунина ¹⁾ и другихъ питомцевъ Профессорскаго института, находившихся за границей, и министерство прислало списокъ ихъ въ Харьковскій университетъ съ указаніемъ ихъ специальности. Совѣтъ университета просилъ о предоставленіи кафедры всеобщей исторіи, сдѣлавшейся вакантною вслѣдствіе перехода Цыха въ Кіевъ, Лунину ²⁾. Такимъ образомъ, въ іюль 1835 г., въ тотъ самый годъ, когда Куторга получилъ кафедру въ Петербургскомъ университетѣ, Луинъ назначенъ былъ преподавателемъ всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ и 18-го іюля прочелъ свою первую, пробную лекцію на тему: „Переходъ средней исторіи къ новой и значеніе сей послѣдней“ (напечатана въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1835, іюль; о ней скажемъ ниже). Черезъ два года Луинъ утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1838 году—ординарнымъ.

Итакъ, изъ Берлина, одного изъ главныхъ умственныхъ и научныхъ центровъ Европы, Луинъ очутился въ Харьковѣ. Въ то время Харьковъ былъ сравнительно малолюднымъ, провинціальнымъ городомъ, значительно уступавшимъ многимъ другимъ губерскимъ и даже уѣзднымъ городамъ. Впрочемъ, не смотря на это, въ немъ процвѣтала журнально-литературная дѣятельность ³⁾; существовали журналы и альманахи, въ родѣ, напримѣръ, „Украинскаго Вѣстника“ (1816—1819 гг.), „Украинскаго Журнала“ (1824 сл.), „Украинскаго Альманаха“ (1831 г.), „Утренней Звѣзды“ (1833 г.), въ которыхъ дѣятельную роль, въ качествѣ инициаторовъ и сотрудниковъ, играли

¹⁾ Намъ неизвѣстно, посѣтилъ ли Луинъ другіе города и страны, а также, во время ли своего пребыванія за границей или же позже избранъ онъ былъ членомъ Общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Коллегіахъ.

²⁾ Д. Н. Багалый, Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Харьковъ. 1904, т. II, 672.

³⁾ Д. Н. Багалый, Опытъ исторіи Харьковскаго университета, II, 752 сл.

профессора — Филомаэнтскій, Гулакъ - Артемовскій, Склабовскій и другіе. Были и мѣстные, малорусскіе писатели, напримѣръ только что упомянутый Гулакъ - Артемовскій и въ особенности Квитка-Основьяненко. А главное — въ Харьковѣ былъ университетъ. Но университетъ этотъ незадолго до того пережилъ тяжелую пору. Въ Харьковѣ, правда, не было Магницкихъ и Руничей, но были Карпѣвы (Зах. Як. и Ег. Вас.) ¹⁾, Филатьевы. Реакція 20-хъ годовъ наложила руку и на Харьковскій университетъ, и онъ долго не могъ оправиться. Положеніе его въ началѣ 30-хъ годовъ истекшаго вѣка было печальное ²⁾. Многія каѳедры пустовали; много было профессоровъ - иностранцевъ, не владѣвшихъ русскимъ языкомъ; но эти профессора большею частью имѣли, по крайней мѣрѣ, ученую подготовку; значительное же число каѳедръ замѣщено было лицами совершенно неподготовленными, не имѣвшими ученыхъ степеней и никакихъ правъ на профессуру. Всего за четыре года до назначенія Лунина въ Харьковскій университетъ произошелъ извѣстный, казалось бы маловѣроятный, но документально засвидѣтельствованный, фактъ ³⁾: въ ординарные профессора по каѳедрѣ философіи назначенъ былъ, по представленію попечителя Филатьева, бывшій одно время *квартильнымъ надзирателемъ* въ Ярославлѣ, Чановъ ⁴⁾, по отзыву попечителя, „истинно достойный во всѣхъ отношеніяхъ наставникъ“, который могъ быть „профессоромъ философіи, профессоромъ россійской словесности и латинской и профессоромъ правъ“ ⁵⁾, а адъюнктомъ при немъ состоялъ изучившій въ Дерптскомъ университетѣ *богословскія науки, лекторъ нѣмецкаго языка*, Гренбергъ, ко-

¹⁾ См. Д. И. Багалъй, Опытъ..., т. II (въ началѣ); „Исслѣдов. и статьи“ М. И. Сухомлинова (т. I), ст. Н. А. Лавровскаго въ Журн. Мин. Нар. Прос., 1872 г., февраль, и Н. П. Щелкова, *ibid.*, 1890 г., октябрь; Г. С. Чурикова въ „Русской Старинѣ“, 1876 г., ноябрь.

²⁾ См. II т. „Опыта“ Д. И. Багалъя.

³⁾ Д. И. Багалъй, II, 201 сл.; 490—491.

⁴⁾ Нѣкоторымъ объясненіемъ этого поразительнаго факта можетъ служить то обстоятельство, что Чановъ окончилъ курсъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ училищѣ высшихъ наукъ и послѣ службы въ должности квартильнаго надзирателя былъ преподавателемъ — въ Ярославской гимназій и въ томъ же училищѣ — самыхъ разнообразныхъ предметовъ — чистой математики, всеобщей исторіи, географіи, русской словесности, латинскаго языка, философіи, политическихъ наукъ, римскаго права и проч.; потомъ онъ былъ назначенъ директоромъ Слободской украинской (нынѣ Харьковской первой) гимназій и, наконецъ, ординарнымъ профессоромъ университета.

⁵⁾ Д. И. Багалъй, I, с.

тому поручено было читать *антропологию* и *логику*. Конечно, были и исключения. Такими исключениями являлись на словесномъ факультетѣ Пв. Як. Кронебергъ, составитель известнаго словаря, „блестящій представитель науки классической филологіи въ Харьковскомъ университетѣ“¹⁾, по отзыву слушателей „образцовый профессоръ своего времени“, на этико-политическомъ — Т. Θ. Степановъ и Г. С. Гордѣенко, физико-математическомъ — А. Θ. Павловскій и Черняевъ, медицинскомъ — Еллинскій и Блументаль и нѣкоторые другіе. Всеобщая исторія имѣла въ лицѣ предшественника Лунина, въ Цыхъ, также достойнаго представителя; но въ Харьковскомъ университетѣ Цыхъ преподавалъ недолго (съ 1831 г. по 1834 г.) и перешелъ въ Кіевъ, гдѣ былъ потомъ ректоромъ и оставилъ по себѣ свѣтлую память²⁾.

Съ середины 30-хъ годовъ въ Харьковскомъ университетѣ замѣтно стало оживленіе и обновленіе. Явились новые, молодые профессора, получившіе подготовку за границей, внесшіе свѣжую струю. Въ числѣ ихъ—Валицкій, П. П. Срезневскій и, какъ мы уже видѣли, Луинъ.

Настроеніе образованнаго общества и университетской молодежи было тогда, такъ сказать, идеалистическое, съ оттѣнкомъ романтизма³⁾. Вопросы эстетики и литературы стояли на первомъ планѣ. За отсутствіемъ всякихъ общественныхъ и политическихъ интересовъ вниманіе образованнаго меньшинства, какъ и въ Москвѣ временъ Грановскаго, сильнѣе сосредоточивалось на умственныхъ или, точнѣе, отвлеченныхъ, литературныхъ и эстетическихъ интересахъ⁴⁾. Историко-филологическій, или, какъ онъ тогда назывался, словесный факультетъ болѣе другихъ привлекалъ слушателей; онъ былъ наиболѣе популярнымъ, общеобразовательнымъ.

Какъ дальше увидимъ подробнѣе, лекціи Лунина на первыхъ же порахъ поразили своею ученостью, глубокомысліемъ, яркостью изображенія, прекрасною внѣшнюю формою. На нихъ ходили студенты разныхъ факультетовъ; мало того: бывали и не-студенты, посторонніе, и между ними, если вѣрять харьковскимъ старожиламъ, даже дамы⁵⁾.

¹⁾ Д. Н. Валазый. т. II, 687. 604.

²⁾ См. Біографическій словарь профессоровъ университета св. Владиміра.

³⁾ См. Воспоминанія Пашкова и ст. Де-Пуле.

⁴⁾ А. Станкевичъ, Г. Н. Грановскій и его переписка. М. 1897, I, 97.

⁵⁾ А. Н. Деревницкій, Мих. Назар. Петровъ (страница изъ исторіи Харьк. унив.). Харьк. 1887. стр. 6.

Лунинъ читалъ преимущественно древнюю и среднюю исторію, первые годы „по руководству Герена и де-Мишеля“, какъ значится въ обзорѣнїяхъ преподаванія, а потомъ (по крайней мѣрѣ, исторію народовъ древности) по „собственнымъ запискамъ, составленнымъ по лучшимъ иностраннымъ авторамъ, равно какъ и по самымъ источникамъ“. Новую исторію Лунинъ читалъ, повидимому, рѣдко ¹⁾, да по этому отдѣлу онъ былъ и хуже подготовленъ. Кромѣ чтенія лекцій, Лунинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (напр. въ 1839/40 и 1840/1 акад. году) велъ практическія занятія въ такъ называемомъ педагогическомъ институтѣ для казеннокоштныхъ студентовъ, которые предназначались къ занятію учительскихъ должностей, обязаны были слушать нѣкоторые спеціальныя курсы и исполнять практическія работы ²⁾. Лунинъ занимался разсмотрѣніемъ студенческихъ разсужденій на заданныя темы, наблюдалъ за ходомъ занятій студентовъ и читалъ съ ними историческія книги.

Но профессорская дѣятельность Лунина продолжалась недолго, всего 9 лѣтъ, съ 1835 г. по 1844 г. Еще въ іюнѣ 1843 г., онъ началъ страдать тяжкою болѣзною (повидимому ракомъ желудка), которая послѣ краткихъ промежутковъ возвращалась снова и до такой степени изнурила его, что не только лишила возможности нести „безупустительно“ профессорскія обязанности, но и угрожала опасностью для жизни ³⁾. Единственная надежда была на то, что помогутъ Карлсбадскія воды, и въ маѣ 1844 г. Лунинъ отправился за границу для поправленія разстроеннаго здоровья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ ученою цѣлью: „постоянно стремясь къ обогащенію себя познаніями“, онъ предполагалъ заѣхать въ Берлинъ и „воспользоваться всѣмъ, что при обширныхъ средствахъ прусской столицы могло быть полезнымъ для его науки—всеобщей исторіи“ ⁴⁾. Но на возвратномъ пути, въ концѣ сентября, Лунинъ принужденъ былъ остановиться въ Кіевѣ, такъ какъ болѣзнь настолько усилилась, что дальше ѣхать онъ былъ уже не въ состояніи, а 14 октября 1844 г. онъ скончался, не имѣя и 40 лѣтъ отъ роду. Послѣ него осталась вдова съ тремя малолѣт-

¹⁾ Она значится въ обзорѣнїи лекцій на 1844/5 г.; но Костомаровъ, слушавшій Лунина въ началѣ его профессуры, упоминаетъ и о лекціяхъ по новой исторіи.

²⁾ А. Н. Деревницкій, Мих. Наз. Петровъ, стр. 3, прим.

³⁾ См. прошеніе Лунина объ увольненіи его за границу.

⁴⁾ Ibid.—Лунину дано было пособіе въ 1000 р. сер. изъ экономическихъ суммъ университета и сохранено жалованье.

ними дѣтьми безъ всякихъ средствъ ¹⁾. Погребенъ Луинъ на Старо-Кіевскомъ кладбищѣ. Профессора Кіевского университета и болѣе 300 студентовъ шли за его гробомъ: были произнесены и рѣчи, въ которыхъ отдавалась дань его ученымъ заслугамъ. А въ Харьковѣ знаменитый духовный ораторъ, преосвященный Иннокентій (Борисовъ), спустя нѣкоторое время, произнося слово въ университетской церкви при погребеніи одного изъ профессоровъ медицинскаго факультета, помянулъ Лунина въ такихъ выраженіяхъ: „Ахъ, я вижу тамъ, — вдали,—еще свѣжую могилу собрата вашего, который не имѣлъ и того утѣшенія, чтобы вѣжды его были сомкнуты рукою не чуждою и чтобы на могилу его упала хотя одна слеза изъ очей тѣхъ, для коихъ столько лѣтъ билось чистое и благородное сердце его. Да приметъ безсмертный и неограниченный теперь нашимъ узническимъ пространствомъ духъ его, хотя здѣсь, въ этомъ столь знакомомъ ему храмѣ, отъ всѣхъ насъ дань молитвъ о вѣчномъ успокоеніи его въ царствіи Бога духовъ и разумовъ!“ ²⁾.

II.

Печатные труды Лунина немногочисленны.

1) Это его диссертация на степень доктора философіи на латинскомъ языкѣ: *Prolegomena ad res Achaeorum, quibus mythica Argolidis historiae primordia breviter adumbrantur*. Dorp. 1832. Большая часть ея посвящена пресловутому вопросу о пеласгахъ. Луинъ опредѣляетъ ихъ мѣстожителства; главнымъ и самымъ древнимъ мѣстопробываніемъ ихъ онъ считаетъ Арголиду, затѣмъ Аркадію, далѣе—Тессалію. Отсюда пеласги выселились въ разныя страны, и Луинъ слѣдитъ за ихъ расселеніемъ. Пеласговъ онъ не считаетъ за одинъ народъ съ этрусками; отъ грековъ, по его мнѣнію, это тоже совершенно отличный народъ, слѣдовательно — „варварскій“, употребляя греческое выраженіе. Кто же они были, какого происхожденія?

Господство пеласговъ въ Арголидѣ Луинъ относитъ къ тому времени, когда Египетъ находился подъ владычествомъ гиксовъ. Въ ту пору на морѣ плавали финикіяне и заводили свои факторіи въ раз-

¹⁾ II даже безъ пенсін: по точному смыслу Высочайше утвержденнаго журнала комитета министровъ министр народнаго просвѣщенія не нашелъ возможнымъ назначить вдовѣ Лунина пенсію и разрѣшилъ лишь выдать единовременное пособіе въ размѣрѣ полуторнаго оклада жалованья (1715 р. 52 коп. сер.).

²⁾ *Дс-Пуле*, стр. 108.

ныхъ мѣстахъ; особенно посѣщали они острова греческаго Архипелага, берега Греціи и Эракіи; наиболѣе же удобенъ для причаливанія кораблей и устройства гаваней — берегъ, окружающій заливъ Аргивскій и Герміонскій. По словамъ Лунина, все это удивительно совпадаетъ съ древнѣйшимъ мифомъ о первомъ государствѣ пеласговъ въ Пелопоннесѣ. Когда господство гиксовъ въ Египтѣ стало расширяться, то египтяне, поселившіеся въ болотистыхъ мѣстностяхъ Нила, должны были выселиться: они направились частью въ Ливію и на югъ, частью на сѣверъ, по морю, въ послѣднемъ случаѣ—при содѣйствіи финикіянъ, такъ какъ сами египтяне не имѣли судовъ вслѣдствіе недостатка въ лѣсѣ, и Луиниъ считаетъ вѣроятнымъ, что Аргоида въ древнѣйшія времена занята была финикійско-египетскими поселенцами; это и были пеласги (стр. 71).

Между прочимъ однимъ изъ аргументовъ для Лунина служить здѣсь то, что пеласги—земледѣльцы. Затѣмъ онъ останавливается на генеалогіи царей и полагаетъ, что имя второго аргосскаго царя, *Фородея*, явно обнаруживаетъ египетское происхожденіе (= „фараонъ“). Это приводитъ его къ заключенію, что родъ египетскихъ царей нѣкогда иммигрировалъ въ Аргоиду. По мнѣнію Лунина, подъ именемъ *Инаха* скрывается жреческая фамилія, которая вмѣстѣ съ египетскими поселенцами заняла Аргоиду, а подъ владычествомъ *Фородея*—царскій родъ, который въ теченіе долгаго ряда лѣтъ держалъ въ своихъ рукахъ верховную власть (стр. 80). Дѣти *Фородея*—*Аписъ* и *Ніобея*, и Лунину кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что подъ ними слѣдуетъ подразумѣвать древнія названія божествъ, культъ которыхъ былъ перенесенъ въ Аргоиду упомянутыми поселенцами. Для выясненія и подтвержденія своей гипотезы Луиниъ останавливается на мифѣ объ *Іо*, которую онъ сопоставляетъ или отождествляетъ съ *Изидой*; онъ видитъ въ этомъ мифѣ указаніе на связь и сродство религій Пелопоннеса и Египта.

Едва ли нужно подробно разбирать гипотезу Лунина и доказывать, что она несостоятельна съ точки зрѣнія современной науки: ее нужно оцѣнивать, конечно, съ точки зрѣнія тогдашняго положенія вопроса. Вопросъ же о пеласгахъ вообще одинъ изъ самыхъ спорныхъ и не вполне еще рѣшенъ и теперь. Для насъ важны тутъ методъ Лунина и его приемы доказательствъ; важны даръ комбинаціи и широта кругозора, которые несомнѣнно обнаружилъ Луиниъ, и то, что онъ доказывалъ связь древнегреческой исторіи и культуры съ Египтомъ и вообще Востокомъ, что онъ признавалъ взаимодѣй-

ствіе странъ восточной половины Средиземнаго моря и какъ бы предугадывалъ кое-что о той микенской эпохѣ, которая намъ извѣстна теперь благодаря раскопкамъ.

2) *Переходъ средней исторіи къ новой и значеніе сей послѣдней.* Это, какъ упомянуто, — пробная лекція, читанная Лунинимъ въ Харьковскомъ университетѣ и напечатанная въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (за 1835 г., июль).

Указавъ на два главныя основанія зданія среднихъ вѣковъ — феодальную систему и власть римской церкви, — Лунинъ прежде всего отмѣчаетъ общія причины упадка ленной системы въ Европѣ: 1) постепенное утвержденіе власти европейскихъ государей и развитіе общинъ; 2) измѣненіе характера войнъ (вмѣсто внутреннихъ—внѣшнихъ, войны народа съ народомъ, правительства съ правительствомъ); 3) прекращеніе крестовыхъ походовъ; съ прекращеніемъ же ихъ и рыцарство, „это поэтическое чадо, этотъ прекрасный любимый идеаль, взлелѣванный феодальною системою, начинаетъ уже упадать“.

Затѣмъ Лунинъ разбираетъ „каждое государство порознь“, слѣдя за упадкомъ феодализма и развитіемъ центральной власти, начиная съ Испаніи и Португаліи. „Испанское рыцарство“, говоритъ онъ здѣсь между прочимъ, „носитъ на себѣ какой-то особый отпечатокъ. Здѣсь все дышетъ какою-то грандіозностью, какою-то восточною гордостью, и испанская грандеца вошла въ пословицу; страсти дѣйствуютъ сильнѣе, языкъ принимаетъ восточные обороты; любовь горитъ нѣгою наляцаго юга, непріязнь—неукротимою жаждою мести; празднества были великолѣпнѣе, турниры многочисленнѣе, нежели въ прочихъ феодальныхъ государствахъ; наконецъ весь образъ жизни напоминалъ утонченную роскошь Азіи“. Отъ Испаніи и Португаліи Лунинъ переходитъ къ Франціи, Англіи, Германіи, Итали и наконецъ къ Швейцарской республикѣ, гдѣ „среди поднебесныхъ горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, на берегахъ прозрачныхъ озеръ, среди живописныхъ и плодоносныхъ долинъ, скрывалось поколѣніе людей сильныхъ, крѣпкихъ, дышущихъ свободою, гордыхъ подобно исполинамъ, ихъ окружающимъ“.

Послѣ этого Лунинъ бросаетъ взглядъ на духовную власть римскихъ папъ въ средніе вѣка, при чемъ попутно касается архитектуры, какъ выраженія духа среднихъ вѣковъ, безотчетнаго вѣрованія. Онъ отмѣчаетъ „смена упадка“ власти папъ.

Одною изъ главныхъ причинъ упадка феодализма было распространеніе и развитіе городовъ; по этому поводу Лунинъ замѣчаетъ: